

Через несколько дней Чжуан Дун На, вернувшись из своей деловой поездки, позвонила по телефону, чтобы выразить свою благодарность, общая идея заключалась в том, что она узнала, что Цзян Чэнь должным образом не выразил свою благодарность по отношению ко мне, и она почувствовала, что Цзян Чэнь из ее семьи* был слишком легкомысленным. Ее первоначальные слова были: «Ты знаешь, Цзян Чэню из нашей семьи на самом деле наплевать на мирские порядки**, но это также его сильная сторона, мне это вроде как нравится, хе-хе».

* «нашей семьи» – это своего рода интимный способ обращения к кому-либо, означающий что-то вроде «наш»

** «мирские порядки» - т.е. как быть дипломатичным, как устанавливать отношения и связи, как вести себя в обществе и т.д.

Чжуан Дун На окончила университет по специальности «английский язык», ей всегда нравилось пересыпать свою речь английским, в прошлом она также любила смешивать английский, когда общалась в чате онлайн, например: «Я уезжаю в деловую поездку на этих выходных, мы встретимся, когда я вернусь». Так бы она сказала, но печатала: «Я уезжаю в business trip this weekend, встретимся, когда я вернусь».

Позже был случай, когда Сыту Мо сказала, что она просто больше не могла этого выносить, поэтому она невинно спросила Чжуан Дун На: «Ты всегда переключаешься между методами ввода, ты не устала?» Чжуан Дун На с готовностью приняла хороший совет и исправила этот недостаток методов ввода, Сыту Мо была глубоко довольна этим.

Чжуан Дун На предложила угостить меня чем-нибудь, чтобы выразить свою благодарность и загладить вину. Я тактично отклонила это предложение, но, возможно, я была слишком тактична, до такой степени, что она была совершенно неспособна понять мое нежелание. Короче говоря, она самоотверженно объявила время и место, а затем сразу же повесила трубку.

Поскольку меня собирались принудительно угостить едой, я была в очень плохом настроении. Следовательно, Фу Пэй и Сыту Мо, будучи моими коллегами, несколько раз подвергались непостижимым оскорблениям с моей стороны, в результате чего Сыту Мо была так разгневана, что сказала, что хочет уволиться и вернуться домой, чтобы ее муж поддерживал ее. Я подключилась к этому вопросу, заявив, что она уволила своего мужа в качестве покровителя, и еще раз обидела ее, и, наконец, заставила ее признать, что она сама недостойна культивирования / тренировки / образования, которое дала ей наша Родина, и что она паразит, совершенно лишенный сердца и совести. Только тогда мое настроение немного улучшилось.

Перед тем, как я ушла с работы, мне позвонил Су Жуй. После банкета мы каким-то непостижимым образом подружились.

Я бросила платье для того банкета в стиральную машину, и после того, как оно вышло, как бы я ни смотрела, мне казалось, что оно похоже на кучу гнилых овощных листьев, поэтому я взяла платье и отправилась на поиски Су Жуя. Он использовал машинку, похожую на пылесос, чтобы

выгладить платье до его первоначального светло-зеленого вида. Он сказал мне, что эта машинка называется отпариватель для одежды, я сказала ему, что, по-моему, это пылесос. После этого мы поссорились, он сказал, что я его не уважаю, я сказала, что он делает из мухи слона. Мы спорили до тех пор, пока не пришло время есть, и тогда он повел меня куда-нибудь перекусить. После того, как мы поели, я расплатилась наличными, затем он объявил, что теперь мы стали друзьями благодаря драке*.

* оригинальная фраза означает «без драки друг друга не узнаешь».

Су Жуй сказал, что он выполняет поручения рядом с нашим офисом, и спросил, не хочу ли я поужинать вместе после того, как закончу работу. Я сказала ему, что собираюсь поужинать с Цзян Чэнем и его девушкой. Он выразил мне свое сочувствие и вызвался сопровождать меня туда. Он сказал, что хочет пойти, чтобы помочь мне набраться храбрости, меня же не покидало ощущение, что он хочет раздобыть бесплатную еду.

Я немного поразмыслила над этим и подумала, что действительно немного тоскливо идти и встречаться с парой «муж и жена» моего бывшего парня в полном одиночестве, поэтому я взяла с собой Су Жую.

Когда мы вдвоем добрались до ресторана, они еще не пришли. Мы немного поболтали, пока не обнаружили, что не можем смотреть друг другу в глаза, и чуть не подрались. Поэтому Су Жуй одолжил у официанта две ручки, мы оба по отдельности развернули бумажные салфетки, чтобы нарисовать рисунки, он нарисовал эскизы костюмов, я нарисовала иллюстрации. После того, как мы закончили рисовать, Цзян Чэнь и компания все еще не прибыли, поэтому мы обменялись нашими рисунками для оценки. Су Жуй сказал, что мои иллюстрации были детскими и предназначались для просмотра маленькими детьми; Я сказала, что его одежда была уродливой и не предназначалась для ношения людьми... К счастью, Цзян Чэнь и Чжуан Дун На прибыли до того, как мы ввязались в ужасную драку.

«Наконец-то вы, ребята, пришли, - укоризненно улыбнулась я, заставляя себя отвести взгляд от тех пяти когтей, которые она вонзила в руку Цзян Чэня. - Если бы вы были чуть помедленнее, то успел бы как раз вовремя, чтобы забрать мой труп».

Чжуан Дун На рассмеялась и объяснила: «Я сказала, что мы должны были приехать сюда порознь, но он настоял на том, чтобы заехать за мной в офис, поэтому мы поехали более длинным обходным путем, извините». Закончив говорить, она сделала паузу, посмотрела на Су Жую и спросила: «Кто этот человек?»

- Я Су Жуй, друг Сяоси, моя старшая сестра и доктор Цзян тоже коллеги. Изначально я хотел договориться об ужине с Сяоси сегодня, она сказала, что уже договорилась с кем-то другим, затем я бесстыдно последовал за ней, чтобы поесть на халяву. Вы, ребята, не возражаете, верно? - Су Жуй попытался ответить раньше меня.

- Конечно, нет, здесь оживленнее, когда людей больше, - ответила Чжуан Дун На и повернула голову назад, чтобы мило улыбнуться Цзян Чэню, который помогал ей отодвинуть стул.

После того, как мы все расселись и закончили заказывать еду, внезапно никто не открыл рта, чтобы заговорить снова, и сцена на мгновение погрузилась в тишину. Я посмотрела на двух человек напротив меня, казалось, что у них не было никакого намерения спасти ситуацию. Как человек, у которого немела спина, когда он сталкивался с неловким молчанием, я могла только умоляюще смотреть на Су Жуя с просьбой о помощи.

Су Жуй легко схватил бумажную салфетку со стола и передал ее Чжуан Дун На со словами: «Это чертеж дизайна, который я изготовил для Сяоси по ее меркам».

Чжуан Дун На взяла его, некоторое время внимательно рассматривала и похвалила: «Ты такой талантливый, это платье очень красивое и очень хорошо сидит на Сяоси». Закончив говорить, она даже подвинула его так, чтобы рисунок оказался перед Цзян Чэнем, и спросила: «Что ты думаешь?»

Цзян Чэнь равнодушно окинул его взглядом. Он кивнул и сказал: «М-м-м, неплохо».

Как человек, который всего несколько минут назад оскорбил это платье, сказав, что оно не предназначено для ношения человечеством, перед лицом таких комплиментов я могла только со слезами на глазах глухо рассмеяться и эхом согласиться.

Су Жуй потер голову и застенчиво рассмеялся: «Я нарисовал это наугад. Я не знаю почему, но Сяоси действительно подходит стиль одежды, который я разрабатываю. Я обнаружила это ещё в прошлый раз, когда доктор Цзян привела ее ко мне купить одежду. Однако тогда я думал, что они были парой».

Я поспешно объяснила Чжуан Дун На: «Это было в тот раз, когда ты попросила меня сопровождать его на банкет от вашего имени».

Чжуан Дун На улыбнулась и ничего не ответила, вместо этого Цзян Чэнь поднял голову и окинул меня пристальным взглядом. Это был первый раз, когда он посмотрел на меня прямо с тех пор, как вошел, и до сих пор. Вероятно, я привыкла к тому, что он издевался надо мной в течение многих лет, потому что в тот момент, когда я увидела, что он смотрит на меня, я поспешно заискивающе улыбнулась. После того, как он ответил на мою улыбку апатичным взглядом, я подумала, почему я была такой чертовски услужливой...

Блюдо, которое заказал Цзян Чэнь, было подано самым первым. Стейк средней прожарки шипел на грифельной тарелке. Он взял вилку, чтобы наколоть и разбить яйцо-пашот, которое все еще оставалось на поверхности. Яичный желток медленно потек на тарелку, от которой шел дым, а горячее масло брызнуло один раз, затрещало и разбрызгалось повсюду. Цзян Чэнь плавно поднял бумажную салфетку, лежавшую рядом с его рукой, чтобы скрыть разбрызгивающиеся капли масла, и после того, как все было закончено, он даже использовал салфетку, чтобы вытереть край тарелки со всех сторон.

Я знал, что эта бумажная салфетка была дизайнерским рисунком Су Жуя, и, увидев, как Цзян Чэнь удобно скатал эту бумагу в комочек, я необъяснимо почувствовала удовлетворение в своем

сердце.

Су Жуй и Чжуан Дун На болтали обо всем на свете, я тоже присоединилась и время от времени произносила несколько фраз. С другой стороны, Цзян Чэнь был практически молчалив, даже если тема разговора касалась его, он также категорически уводил тему разговора в сторону.

Тем не менее, употребление этого блюда все еще было для меня несравненно удручающим*. Несмотря на то, что Цзян Чэнь не разговаривал, Чжуан Дун На время от времени наклонялась к его уху, чтобы что-то прошептать, при этом ее глаза, вращаясь, смотрели на меня, и казалось, что она улыбается, но в то же время не улыбается.

* П/П: оригинальная фраза - 心碎, что буквально переводится как сдавленное сердце.

Су Жуй был так расстроен, что не выдержал и, подражая ей, наклонился к моему уху и тихо сказал:

- Очевидно, что она тебя провоцирует. У нее действительно нет никаких моральных устоев.

Я легонько оттолкнула его:

- Не говори, наклоняясь к моему уху, это отвратительно.

Су Жуй добродушно рассмеялся.

- Только не говори мне, что ты вообще умеешь смущаться?

Я подняла кукурузное пюре.

- Ты можешь попробовать и посмотреть, превратится ли мой стыд в гнев*.

* оригинальная идиома относится к тому, когда человек настолько унижен и смущен, что впадает в ярость.

Су Жуй поспешно замахал руками.

- Я был не прав, ясно?

Удовлетворенная, я вернула тарелку в исходное положение. Только тогда я обнаружила, что Чжуан Дун На о внимательно наблюдает за нами, улыбаясь с выражением полного интереса. Краем глаза я бросила взгляд на Цзян Чэня, он беззаботно нарезал свой стейк. Бесшумно, умело, грациозно.

Выражение его лица внезапно заставило меня вспомнить, как во времена нашего университета я часто сопровождала его в общежитии, когда он использовал свиную кожу и свиные кишки, чтобы практиковаться в наложении швов и завязывании узлов. Его молчаливая и серьезная энергия всегда заставляла меня чувствовать себя так, словно я смотрю фильм об извращенце-хирурге-убийце или что-то в этом роде.

- Сяоси, я чувствую, что Су Жуй довольно хорошо относится к тебе, - с улыбкой сказала Чжуан Дун На, и она даже повернула голову, чтобы спросить Цзян Чэня, как будто искала помощи: - Не так ли?

Цзян Чэнь один раз пробежал по нам взглядом, словно осматривая пациента, и решительно выплюнул слово: «Верно».

Су Жуй вообще не знал, что такое стыд, и он повторил, радостно жестикулируя: «Чэнь Сяоси, видишь ли, все они говорят, что я хороший, ты единственная, кто здесь не разборчива.

Я не знаю, почему я вдруг потеряла интерес к пререканиям с ним, я удрученно ответила ему: «Я тоже думаю, что ты действительно хорош».

Я не знаю, было ли это из-за того, что мой тон голоса исказился при передаче по воздуху, или из-за того, что в ушах Су Жуя было слишком много посторонних предметов, таких как ушная сера, что приводило к искажению звука. Короче говоря, он, казалось, воспринял это всерьез, сначала он тупо уставился на меня, а потом вдруг посмотрел обоими глазами мягкими и нежными, как вода. Он застенчиво улыбнулся мне, его лицо беспричинно покраснело.

Я была так потрясена, что у меня похолодели все четыре конечности, я потеряла шею и сказала: «Почему ты краснеешь без причины, не улыбайся мне, это смешно, то, как ты улыбаешься».

Су Жуй с улыбкой наблюдал, как я совершенно растерялась, не зная, что делать. Я наблюдала, как румянец на его лице таинственным образом исчез в мгновение ока, точно отлив, и подозрительно спросила: «Ты играешь со мной, верно?»

Он взглянул на меня, не говоря ни слова, опустил голову и начал спокойно есть паэлью с морепродуктами.

Его внезапная застенчивость заставила меня почувствовать себя неловко с головы до ног, это было похоже на толпу муравьев, медленно поднимающихся в военном строю от подошв моих ног вверх по телу, забираясь на кожу головы...

Я практически проглотила оставшуюся пасту большими глотками и даже чуть не подавилась при этом. Су Жуй очень ласково похлопал меня по спине и сказал: «Будь осторожна, не задохнись до смерти».

Я как раз собиралась сказать: «Разве так принято разговаривать?», когда Цзян Чэнь внезапно открыл рот.

- Не волнуйся, она не умрет, даже когда у нее из носа потечет лапша, она все равно не умрет.

Я отмахнулась от руки Су Жуя и злобно посмотрела на Цзян Чэня.

Он говорил о чем-то, что произошло во время нашего первого официального свидания. В то время мы ходили в единственный западный ресторан рядом с нашей школой. Тогда у меня на душе было особенно беспокойно. Было ощущение счастья от того, что пирог, упавший с небес*, совершенно случайно оказался подобран мной, а также было опасение, что тот человек, который бросил пирог в царство мертвых, пожалеет и придет, чтобы попросить меня вернуть его.

* отсылка к китайской идиоме, означающей, что человек наслаждается легкодоступными вещами, не прилагая к этому усилий – пожинать там, где он не сеял. Эта идиома отсылает к Исходу из Библии, где Бог снабдил израильтян манной.

Погруженная в свои мысли, я заказала тарелку пасты и после этого просто продолжала поглощать ее. Как раз в тот момент, когда я с аппетитом уминала её, Цзян Чэнь, сидевший напротив меня, внезапно произнес фразу: «Чэнь Сяоси, составь мне компанию сегодня вечером». Чрезмерный испуг заставил меня задыхаться до тех пор, пока мои слезы и слизь не хлынули через край, и, что самое ужасное, сильный кашель привел к тому, что лапша, которая была у меня во рту, выплеснулась из носа...

Я посмотрела на кусочек лапши, который покачивался на краю стакана для питья. Каждая надежда в моем сердце превратилась в пыль, и я, рыдая, умоляла Цзян Чэня порвать со мной, пообещав, что больше никогда не буду приставать к нему в будущем.

Цзян Чэнь использовал бумажную салфетку, чтобы помочь мне вытереть слезы и слизь, в то время как он утешал меня, говоря: «Я ничего не видел, я действительно ничего не видел...»

Я заплакала и рухнула в его объятия. Мы отказались от того, чтобы держаться за руки, класть ладони друг другу на плечи, держаться за талию и подобных других постепенных шагов, чтобы сразу перейти к объятиям на первом свидании, это также можно было бы рассматривать как выигрыш.

Позже Цзян Чэнь сказал, что он просто хотел, чтобы я сопровождала его в ночной класс для занятий, потому что очень скоро им предстояло сдавать один из «Четырех знаменитых повторных экзаменов» при изучении медицины – патологоанатомический экзамен. Этот случай всегда использовался в течение очень долгого периода времени после этого в качестве доказательства для Цзян Чэня, чтобы обвинить меня в грязных мыслях.

Я свирепо уставилась на Цзян Чэня, Цзян Чэнь холодно взглянул на меня. В воздухе как будто

потрескивало пламя.

- Мне жаль, Цзян Чэнь из нашей семьи шутит, - видя, что атмосфера накалилась, Чжуан Дун На поспешила сгладить неловкость.

- Не волнуйся, Сяоси из нашей семьи не будет возражать. - сказал Су Жуй, по-видимому, для того, чтобы помочь мне попытаться оправдаться.

...Уголки моих глаз дернулись. Они даже становятся одной семьей.

Я полагаю, что была только одна патриотическая песня, которая была популярна, когда мы были молоды, и которая могла бы объяснить степень фамиллярности и дистанции в этой части их разговора - «У всех нас одна семья, ее название - Китай... Наш большой Китай, одна по-настоящему большая семья...»

<http://tl.rulate.ru/book/89755/2897078>